

МИРОСЛАВ ДОЧИНЕЦ

• МАФТЕЙ •

КНИГА,
НАПИСАННАЯ СУХИМ ПЕРОМ

• ПЕТРОРОМАН •

ХАРЬКОВ
«Фоліо»
2017

ТО, ЧТО ТЫ ИЩЕШЬ, ИЩЕТ ТЕБЯ

Мирослав Дочинец пришел к читателю пятым большим романом «Мафтей», и усталости в его письме не ощущается. Все та же энергия и напряжение мысли, все тот же блестящий и выдержанный до конца стиль — без всякого насилия, спада, недостатков или следов пота. Мощное дыхание прошлого (писатель любит возвращаться в давние времена и искать там залежавшиеся сокровища), хорошо передан дух времени и мастерски выписаны герои повествования, как и в предыдущих его романах. Здесь ароматы, «воздухи», как говорит автор, акустика и краски. Достаточно прочитать две-три фразы, чтобы понять, кому принадлежит это письмо. Прозаик легко узнаваем, он отточил свой стиль, как говорится, до остроты стилета. У него свой словарь. Неповторимый, особенный. Примечательно, что этот язык так же далек от «чистого» литературного языка, как у Стефаника и Франко. Завязанный на закарпатском диалекте, он, однако, находит и зажигает новые глубины и подземные воронки. К тому же писатель обращается со словом, как гончар с глиной, демонстрируя абсолютный слух и особое чутье лексемы, ее красоты и очарования. Как следствие, он по-настоящему упивается роскошеством и смакованием «хлесткого русинского слова» и дарит эту радость читателям.

Тот, кто любит Беккета, Льюиса, Маркеса, Эко и Фолкнера, примет и Дочинца. «Прикарпатские русины, живя столетиями под чужаками, брали что-то необычное от них и приспособляли к своему, укорененному в глубокие пласты славянского старого мира. Древняя искренняя, мудрая, светлоглазая и высоколобая Русь как ни в чем другом отражается в говоре нашего народа, который сохранил все затеси и сокровища под укрытием карпатских гор. Через меня прошло огромное количество людей разного племени и языка, и должен признать, что местный говор ближе всего строю библейских притч». Так говорит главный герой романа Мафтей, но так сказать о себе может и сам автор. Однако эстетически подготовленный читатель, для которого язык стоит на первом месте, способен упиваться неспешным течением повествования Дочинца, как хорошо выдержанным вином. Но писатель выигрывает не только на этом, но и на умело закрученной фабуле, «живом повествовании», которое имеет «свой обряд».

Главный герой Мафтей — не Шерлок Холмс, Пуаро или Мегрэ, хотя и берется распутать таинственный клубок невероятных событий в провинции на краю Европы, но делает это необычным образом: не столько ищет нужную тропу, сколько верит в то, что верный путь найдет его. Мафтей — философ-любомудр, который много рассказывает, размышляет над жизнью, исследует тайные смыслы и знаки прошлого, пребывая в полной уверенности, что они так или иначе проявятся в настоящем и приведут его к успеху. Его больше всего интересует дорога. Поэтому неспешное развитие сюжета держится вот на таких трех обобщениях, как своеобразных китах: «Куда бы ты ни шел, выходишь из Дома и возвращаешься Домой»; «То, что ты ищешь, тоже ищет тебя»; «Путь — это нечто большее, чем дорога, или хождение, или пережитое, или даже судьба. Ибо не он тебя выбирает, а ты его. Выбираешь направление и идешь. Идешь с чем-то и за чем-то, а оставляешь на перепутье что-то. Это твои вехи в безмерности времени и пространства...»

Две большие тайны сопровождают человека: путь к Богу и к женщине. Кто он, этот мукачевский философ? О себе Мафтей рассказывает много и охотно. «Я зелейник. Травы Господни — мой хлебушек. Мое ремесло. Травничество — заработок непостоянный, ибо челядь в непрестанной работе и нужде хворями не слишком балуется. Поэтому, кроме зелья, меня подкармливает река, чаща и зверье — хорьки... Имя мое — Мафтей. Странное даже для нашего подкарпатского отшиба, где разноплеменная и многоязычная людность кипит, как горный поток. Но имя не от Бога — от людей. А все человеческое — несовершенно. К имени своему я до сих пор не привык, как пес не может привыкнуть к репейнику за ухом. Черноризец Аввакум нарек меня так, ибо явился я в грешную сию юдоль ночью между днями апостола Матвея и великомученика Фатая. Вероятно, чтобы не обидеть ни одного из святых, Божий человек объединил их одним именем — Мафтей. Как перст и ноготь. Как столб и плечо креста...»

Хорошо выписаны в романе и другие персонажи: восемь девиц, исчезнувшие без следа, старец Аввакум, Данила — дед главного героя, «филозоф из конюшни», отец Гринь, который раскопал всю гору, мамка Мелана, бабка Злота, Миха-деревач, безумный Циль, тетка Доромбаня, купец Жовна из Подолья, монах Клим, Дмитрий Железный и, конечно, красавица Ружена, на которой завязаны основные узлы сюжета. В романе полно шинкарей, торговцев, хозяек, служанок и всякой прочей челяди. В результате книга щедро заселена, полифонична, многоголоса, но вместе с тем удивительно приглушена.

Дочинец не любит слишком распространенных описаний, отделяется в целом несколькими штрихами в описании того или иного

персонажа, но какими красноречивыми являются эти штрихи. Как резьба. И человек вдруг предстает перед мысленным взором читателя как живой. «Слова, если их выпестовать, теряют смысл», — отмечается в романе, поэтому лаконичная сжатость, если можно так выразиться, наиглавнейшая заповедь писателя.

В книге время от времени всплывают тени мудрослова Григория Сковороды (так в тексте) и Гатила («Атилы, бича Божьего»), многочисленных правителей и властителей Карпатских гор и долин, оставивших заметный след в Мукачево. К лучшим страницам книги относятся рассказы об отце и деде Мафтея, аресте и освобождении Алексы, загадочной Ружене, любомудре Аввакуме и других. Они воспринимаются как самодостаточные отдельные произведения (романы в романе), но при этом не выпадают из общей структуры книги. Выписанные мастерски и артистично, можно даже без преувеличения сказать, с гениальным вдохновением, они будто расширяют текст до галактических размеров и читаются с таким нарастающим интересом, что забываешь о пропавших девушках и других завязках повествования.

Стиль М. Дочинца близок к таинственному миру легенд, густому замесу мифов и саг, но ближе всего стоит к притче. «Что высоко держишь, то и цену имеет высокую», — говорит автор устами своего героя и высоко держит свое слово: оно звенит, как стекло (описание работы стеклодува Кизмана легко проецируется на работу со словом), пахнет травами (их перечень занял бы целую страницу) и сохраняет акустику, как готический собор.

Ответы на вопрос: в чем секрет творчества Дочинца, тайна стиля, лучше всего искать в его тексте. «Пиши затесями — коротко и остро, как дерево рубишь, — поучает Аввакум Мафтея. — Нарезай слова из твердого материала и складывай их в плотные, недвижимые ряды... Пиши, помня: слово, лишнее любви, невыразительное и пустое».

Мудрость эта настоящая, глубокая, так сказать, сковородинская, глубоко народная, вековая. Подтекст и надтекст просматриваются во всем, о чем только заходит речь. «Истинный художник создает не поверхность, а потайную сущность», — говорит автор устами своего героя. События, разворачивающиеся в романе, имеют глубинный фон — готическое величие карпатских гор и барокковую красочность рек.

«Прозрачность воздухов уже тонула в воде. Рябое солнце скатывалось с медного неба. Суббота умирала для завтрашнего воскресного дня».

М. Дочинец — мастер небольшого, так сказать, импрессионистически точного и образного мазка. Писатель рисует словами, и чувствует, что делает он это с какой-то особенной внутренней радо-

стью, будто упивается своим мастерством. В этой книге два крыла, которые двигают ее вперед и возносят в высокое небо духовности, — любовь и мудрость.

Любовная линия завязана на отношениях Мафтея и Ружены (магнетически завязана!), поэтому, собственно, не похищение (гипнотическое одурманивание) Руженой девушек является, на мой взгляд, наиболее интригующим фактом, а глубокий драматизм любви этих двух незаурядных личностей, для которых любовь так же много значит, как свобода и страх потерять ее.

«Истинная свобода — это не сиюминутное познание. Это прочное и мучительное созревание, как у мотыля, который продирался сквозь норы и дупла и уклонялся от клювов. Это переживание и внутреннее измерение, требующие напряжения, терпения, душевного умирания и воскресения».

Приобретенные в горах и широких мирах знания писатель чаще всего подает афористично. И это понятно: сжатые до невероятной плотности, они получают заряд взрывчатости. Все эти бесчисленные крылатые выражения рассеяны на широком поле повествования, как отборное зерно. Собирать их, размышлять над ними, выстраивать в тематические ряды — большая радость для неспешного читателя, потому что, выхваченные из контекста, они ничего не теряют, хотя, вкрапленные в густую мозаику повествования, загораются бесчисленным количеством дополнительных граней.

Писатель не обходит острые углы, не уходит от ответа на болезненные и, казалось бы, неудобные вопросы, которые ставит жизнь, но как бы сознательно ищет их, чтобы развязать, как своеобразные гордые узлы, — решать терпеливо и не спеша, но ни в коем случае не разрубывать. Одна из таких тем — еврейство. «Два заманчивых, два спасительных пристанища у русина — церковь и корчма-лавка. Стоят на юру и на распутье, как две вежи извечного выбора. К одной ведет узенькая тропинка воскресной сходки, а ко второй — протоптанная дорога, и там целыми днями кипит хмельное оживление. Вековой голод души и отравляющее пресыщение плоти... Рядом стоит вкопанный черный крест, и Иисус из-под тернового венца грустно смотрит на те две дороги — спасительную и разрушительную. Два направления, которые тоже принесли в исконные карпатские края всемогущие и вездесущие евреи. «На выбор нате вам: наш товар и наш храм». Как ни обернись — они соль земли нашей. Соль, что в разной степени жжет и питает».

Дочинец не был бы собой, если бы не затронул тему целительства. Здесь она, что называется, на каждом шагу. Мафтей, яко духовный

брат деда Ворона, так говорит о себе: «Я не ворон, однако перенял от них обычай замечать необычные вещи. Они из них свивают свое гнездо. Как я теперь — свое гнездо находок...»

Думая о бессмертной душе, проникшись ее загробной судьбой, главный герой романа никогда не забывает о теле. Мало кому Мафтей не посоветует какое-нибудь зелье, редко кого не спасает от болезни и редко в какой главе (автор обозначает их как «Затесь») не ссылается на свои знания целителя и зелельника. Знает даже, как уберечься от смерти, и дает жуткий рецепт.

Мирослав Дочинец — писатель европейского масштаба. Границы родной литературы давно стали слишком тесными для него (хотя не тесны родное слово и духовная культура). Хорошо было бы, если бы его активно переводили и публиковали на других языках. От этого выиграли бы все: читатели, переводчики, издатели и, главное, украинская литература. Такого добра, как у Забужко, Жадана, Андруховича или Дереша, в мире хватает, и поэтому резонанс от их книг не очень заметен, а такого, как у Дочинца, нет больше нигде. Это чисто украинское, удельное, нутряное, это то, что может открыть миру подлинную красоту и силу Руси-Украины.

Хотя в «Мафtee» сюжет вроде не главное для автора и цель его совсем другая, он добросовестно и честно доводит все фабульные линии до логического конца, расставляет все необходимые акценты, связывает все «оборванные нити химер» и сматывает их в «клубок целости»: девушек находят, и они возвращаются домой, жизнь Мукачева возвращается в привычное русло, и мудрый Мафтей приобретает еще большее уважение земляков.

«При сем следовало бы сказать “аминь”, ибо подошла к концу моя сердечная исповедь, написанная сухим пером», — ставит точку Мафтей и вместе с ним автор, а читателя охватывают грусть и сожаление, что все так быстро закончилось.

Но закончилось ли?

М. Дочинец пишет такие книги, которые требуют не только медленного и вдумчивого прочтения, но и непременно возвращения. Знаю по собственному опыту, что, читаемые повторно, они воспринимаются совсем по-другому или несколько иначе. Такова тайна таланта, сухого пера и большой любви маститого писателя.

*Петр Сорока,
член международного ПЕН-клуба*

...и ничего не возьмет от труда своего,
что мог бы он понести в руке своей.

Еккл. 5:14

Во имя Мое ты странствовал и пробуждал в оседлых людях смутную тоску по свободе.

Герман Гессе

Собрал вместе концы нитей, свисающих с его существования, ненужные отделил и отрезал, а сохранил только главные, необходимые, и имеет право сказать, что теперь у него остался на ладони крохотный клубок, который проведет его дальше.

Григорий Сковорода

Вести с окраин. Удивительные вещи происходят в подкарпатском русинском городке Мукачево. Там исчезают девушки. На протяжении года пропали без вести восемь девиц разных сословий и вероисповеданий. Местная жандармерия сбилась с ног в поисках, а все напрасно. Отправленный на помощь конный отряд жандармов из Кошиц тоже не вышел на след. Магистрат потребовал помощи у Будапешта. Пока столичные детективы проводят поиски, взбудораженное население Мукачева само решило помочь себе. Позвали в помощь известного в доминии знахаря по имени Мафтей Просвирник, которого за талант лекаря милуют даже господа-дворяне Большой Мадярии.

*Газета «Vasárnapi ujság»,
Будапешт, май 1851 года*

Оглавок. ТЕНЬ ВИНОГРАДАРЯ

«Расскажу вам историю, да такую, что вы не поверите».

«Нет на свете такой истории, чтобы я не поверил».

*Из разговора раввина Элейзара
с мнихом Аввакумом*

Вчера вода принесла мне знак.

Все сушее приносит вода, она же его и забирает. Когда я умывался на корточках у реки, моей десницы коснулось перо. Перо неизвестной птицы. Я вынул его из воды и поднес к губам — перо было сухим.

Вот и пришло время, таки пришло! Время исполнить слово, данное Божьему челядину Аввакуму. То есть переродить мое слово обета в слова. И теперь пришел за это спрос.

Река притихла, ожидая моей отваги. Я поднялся и огляделся, как перед дорогой. С чего начать? Как и куда двигаться? И куда идти?

Сухое перышко не имело веса, зато тяжелой, как никогда, была моя десница. Рука, которая брала и отдавала, карала и ласкала, «губила» и созидала. Теперь должна еще и заговорить. Чтобы исполнилась, чтоб замкнулась в исповеди правда моего земного перехода.

Так постановил Божий челядин, тот, который кормился яблоками, а меня кормил духом.

Тогда мы стояли на Гнилом мосту, и он изношенным посохом сбрасывал в реку желуди, они черкали по плесу, как камешки. А за ними падали его твердые слова.

— Ты напишешь — это и будет оправданием твоего бытия. Placet!¹ Быть посему.

— Почему я?

— Потому что ты — Божий сосуд, в котором Он хранит свое слово.

— А не слишком ли хрупкий сей сосуд, отец мой?

— Понятно, что так. Зато он всегда теплый, и слово не остывает.

— Кому я должен это писать? — слабо спросил я.

— Хм, кому? *Писать для мудрых — нет нужды, для дураков — глупо. Поэтому — для себя самого, чтобы познать роскошь творения, которое содержит в себе что-то от дурня и мудреца. Удивление к себе самому...*

— Но ведь... ты сам меня учил не сеять слова...

— Я тебя не к этому призываю.

— Как же обойтись в письме без слов?

— Укроти ум — пиши сердцем.

— А разве сердце — пузырек с чернилами? Я умею смешивать напитки радости и погибели, но никогда не смешивал чернила...

— Сухим пером напиши. Sapienti sat — умному достаточно.

— Как же это — сухим пером? — дернулся я. — Разве так кто-то делает?

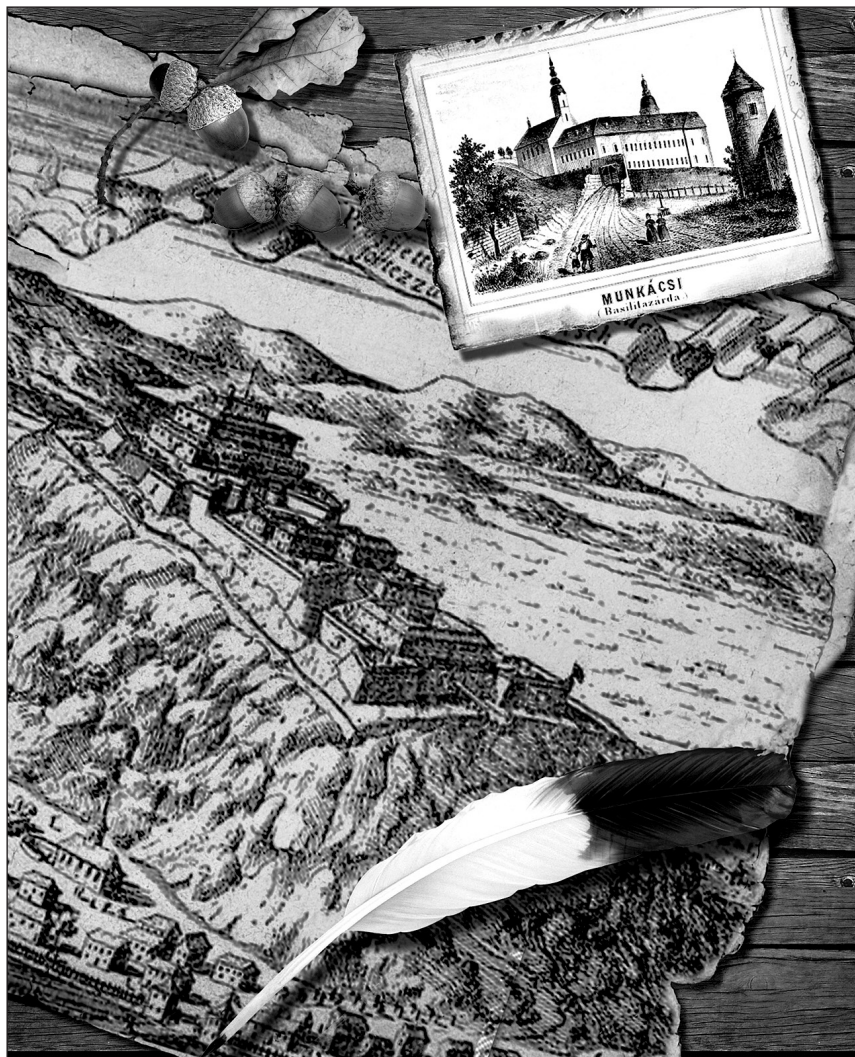
— Наш Учитель не оставил ни одного слова чернилами, а Писание его распространяется по всему миру. Разве не учил я тебя, что высказанная правда теряет, а переписанная чернилами искажается. Правду знает только верное и безошибочное сердце.

— Но мое ли это сердце, учитель?

— И твое тоже. Бог создал нас, чтоб мы были Его соглядатаями на земле.

— Ой ли, я и буквы, которые вы научили мене выписывать, почти забыл, — хватался я за последнее спасение.

¹ Решено (лат.).

«Удивительные вещи происходят в подкарпатском русинском городке Мукачево. Там исчезают девушки...» (стр. 8).

«Вчера вода принесла мне знак.

Все сущее приносит вода, она же его и забирает. Когда я умывался на корточках у реки, моей десницы коснулось перо. Перо неизвестной птицы. Я вынул его из воды и поднес к губам — перо было сухим...» (стр. 9).

— Что там буквы, — Аввакум стукнул палицей. — Буквы — мертвечина, сухие черви на сухой бумаге. Смысл рождают не буквы, а дух. С ним начни и с ним заверши.

— Я не готов, отче, — искренне сознался я.

— Знаю, человек никогда не бывает готов, пока не подпоясанный Божьим духом.

— Легко сказать, а я даже не знаю, с чего начать.

— Коли не знаешь, с чего начать, начинай ab ovo — с самого начала.

— А где находится это начало? — вздохнул я.

— Там, где завязывается конец, — утомленно ответил Аввакум.

Его ответы часто были похожи на кувшин без ручки — поворачивай каким хочешь боком.

— Кто же надоумит меня, как вести свой сказ? — не унимался я в растерянности.

— Как писать... Слышишь тюканье древоделов, которые цифруют¹ церковь в Замлине? Слышишь перепевы топориков: одна затесь, другая затесь, третья — и дерево покрывается резьбой... Пиши затесями — коротко и остро, как дерево рубишь. Нарезай слова из твердого материала и складывай их в плотные, недвижимые ряды... Пиши, помня: *слово, лишнее любви, невыразительное и пустое.*

Вода гладко разносила звук топоров и долот. А мой нос угадывал, что дергали бревна чуть привядшего ясеня. За кривулей реки, недалеко от Аввакумового скита, виднелся седой крест. Берег кипел мелким лиловым цветением. Весь простор оделся в цвета пестрой зелени. Все, кроме яблони-кормилицы над его пещерой. На Покров дерево засохло да так и не ожило в яри². Ворона летала над крестом и садилась то на одно, то на другое плечо. Я понимал, о чем говорит сей знак, и печально молчал. Уходил наставник моего земного следа, мой сердечный совет-

¹ *Цифровать* — украшать.

² *Ярь* — весна.

ник и друг. Кто будет направлять мое движение дальше? Никто, кроме Господа.

Кончик посоха, не находя более желудей, отыскал ямку в зыбкой доске. Трухлявое дерево легко долбилось.

— Этот мост скоро упадет, — печально молвил пещерник.

Я кивнул головой. Мне не жаль было Гнилого моста. Жаль было другое. Гнилой мост — это мое просвещение. Мой мостик над водой в мир, из глубины старовека — к простору мысли. Тут проходили наши с ним часы, пронизанные счастьем познания. Но теперь не об этом речь...

В тот предсказанный день, в последний раз молча поклонившись, Аввакум пошел к своей мертвой яблоне. А я долго еще оглядывался на тощую, сломленную фигуру, поднимающуюся в гору. Уже тогда я точно знал, что человек этот и есть гора. И понимал, что он оставляет меня самого плавать на большой воде.

Лоза любит тень виноградаря. Так он сказал однажды. С тех пор я живу в его тени.

Так научи меня, Господи, косноязычного в слове и криворукого в писании, положить на бумагу эту исповедь, чтоб исполнить обет чтимому челядину¹, зиждителю соковиц моей души и светлости любомудрия. Аминь.

¹ *Челядин (закарп.)* — человек.

СОДЕРЖАНИЕ

То, что ты ищешь, ищет тебя. <i>Петр Сорока</i>	3
Оглавок. Тень виноградаря	9
<i>Затесь первая</i> . Вечерний визит	14
<i>Затесь вторая</i> . Саламандра на дне	25
<i>Затесь третья</i> . Рыба в дупле	41
<i>Затесь четвертая</i> . Философ из конюшни	58
<i>Затесь пятая</i> . Раки любят глубину	73
<i>Затесь шестая</i> . Тот, кто съел гору	88
<i>Затесь седьмая</i> . Мертвым в глаза не заглядывают	104
<i>Затесь восьмая</i> . Блюдо Ференца Ракоци	128
<i>Затесь девятая</i> . Рогатка	144
<i>Затесь десятая</i> . Глас говорящего дерева	156
<i>Затесь одиннадцатая</i> . Тминное поле	170
<i>Затесь двенадцатая</i> . Письмо на паутине	184
<i>Затесь тринадцатая</i> . Колыбель на воде	200
<i>Затесь четырнадцатая</i> . Стеклоанный глаз	212
<i>Затесь пятнадцатая</i> . Верховные мельницы	223
<i>Затесь шестнадцатая</i> . День сеет, ночь собирает	236
<i>Затесь семнадцатая</i> . Черный человек из Хуста	249
<i>Затесь восемнадцатая</i> . Ad fontes. К истокам	265
<i>Затесь девятнадцатая</i> . Кунигунда	278
<i>Затесь двадцатая</i> . Девять тайстринок	303
<i>Затесь двадцать первая</i> . Госпожа сухого дерева	316
<i>Затесь двадцать вторая</i> . Последний пук шерсти	331
<i>Затесь двадцать третья</i> . Тропка в гравилате	343
<i>Затесь двадцать четвертая</i> . Марковций потрошит норы	350
<i>Затесь двадцать пятая</i> . Дерево-приблуда	357
<i>Затесь двадцать шестая</i> . Мой Капернаум	370
<i>Затесь двадцать седьмая</i> . Ирсад	388
<i>Затесь двадцать восьмая</i> . Кольцо для обреченного	402